

Романный субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая)

В статье, обобщив свои многолетние изыскания, автор раскрывает сущность семейной хроники – жанра литературы, предметом которого является изображение жизни нескольких (как правило, от двух до четырёх) поколений одного семейства. Авторы семейной хроники сопоставляют судьбы разных поколений, выявляют их сходство и различия, фиксируют преемственность поколений в контексте эпох. История семьи способна в сжатом виде вместить историю страны в ту или иную драматическую эпоху. Эти произведения создаются писателями именно для того, чтобы возродить преемственность поколений – т.е. доказать, что главные катаклизмы позади, и жизнь продолжается, несмотря на трагические и драматические коллизии. Однако историзм романа семейной хроники своеобразен: крупные события, присутствующие в романе, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи. В первой статье анализируются атрибутивные признаки данного жанра.

Ключевые слова: романная проза, жанры, семейная хроника, роман-эпопея, романная ситуация, «мысль семейная», историзм, хроникальность, повседневность.

Eugeny Nikolsky

The Family Chronicle as Novel Subgenre: Questions of History and Theory (Article One)

In the article the researcher reveals the essence of the family chronicle – a genre of literature, the subject of which is the image of the life of several (usually from two to four) generations of the same family. The authors of the family chronicle compare the fates of different generations, identify their similarities and differences and record the continuity of generations in the context of epochs. The history of the family is able to contain the history of the country in a concise form in a particular dramatic era. These works are created by writers precisely in order to revive the continuity of generations, that is, to create a new one and to prove that main cataclysms are over and life continues, despite the tragic and dramatic collisions. However, the historicism of the novel-family chronicle is peculiar: the major events present in the novel do not interest the author as such, but they are reflected as significant for the family. The first article analyzes the attributes of this genre.

Key words: novel prose, genres, family chronicle, the novel-epic, "the idea family" historicism, novel situation, chroniclemost, everyday life.

Появление в XIX–XXI веках многочисленных произведений с большей или меньшей точностью определяемых как «семейные хроники» – «Будденброки» Томаса Манна, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, «Семья Тибо» Мартена дю Гара, «Хроника Паскье» Дюамеля, – явление общеизвестное. Специфика жанрового типа, как и всякого иного, во многом определяется его генезисом. Семейная хроника по ряду признаков, несомненно, может быть соотнесена с социально-бытовым романом, получившим развитие уже в литературе XVIII–XIX веков. Сужение семейной тематики в первой половине XIX века и, напротив, ее последующее расширение имеют причины социально-исторического и типологического порядка.

Жанр семейной (чаще родовой) хроники никогда не уступал по своей популярности детективу, исторической беллетристике и любовному роману. В сознании читателей хроника рода всегда была наиболее солидным и основательным литературным жанром [8].

Романы и длинные повествования о бытии и смене поколений воистину украшают каждую национальную литературу. Их объединяют такие общие особенности, как схожесть судеб, развитие конфликтных ситуаций, преемственность и обновление бытовых традиций и прочие. В немецкой литературе читательское призвание отдано «Будденброкам» Т. Манна. Французская литература выдвигает двадцать томов романного полотна о Ругонах и Маккарах Э. Золя; «..и Компанию» Жана-Ришара Блока; историческую пенталогию «Проклятые короли» М. Дрюона. Английские хроники возглавляет «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси. Яркое произведение этого типа, созданное в Латинской Америке, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса также соотносится с этим жанром. Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, рассмотреть в малом великое становится влиятельным художественным принципом литературы XX века [9].

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни.

М. М. Бахтин посвятил свои работы изучению истории романа; он довел свои изыскания до литературы XX века. Исследователь не выделил «семейную хронику» как особый подвид романа, а только определил некоторые пути ее дифференциации. Сам этот термин Бахтин не применял, но в качестве синонима рассматриваемому нами жанру он ввел терминологическое сочетание «роман поколений» и определил некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности, выделяя как особый мотив «разрушение идил-

лии» [2, с. 381]. Ученый отметил, что «роман поколений» с его мотивом «разрушения идиллии» (т.е. вырождения и распада) вызван историческими событиями XIX–XX веков, катаклизмами эпохи. Принимая в целом концепцию М. М. Бахтина, мы считаем, что общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX – начала XX веков действительно способствовали появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы.

А. В. Чичерин в своей известной книге «Возникновение романа-эпопеи» [17], анализируя появление литературных новинок, отмечает и некоторые общие закономерности литературного процесса, приводящие к появлению новых жанровых форм. Анализ концепции А. В. Чичерина показывает, что исследователь не отделял «семейную хронику» от романа-эпопеи. В указанных жанрах наблюдаются тенденции сближения, пересечения, но полного отождествления не происходит. Анализ различия основных черт этих жанровых разновидностей будет проведен нами ниже.

Рассмотрение форм репрезентации семейной истории в художественной словесности не относится к наиболее разработанным аспектам мировой филологии, несмотря на то, что данной проблеме посвящен ряд довольно основательных исследований. Примером могут служить работы И.-Л. Ру [3], К. Делл [1], Д. Джонса [2], Н. П. Порохняк [15] и других. Во время подготовки этой статьи мы столкнулись с проблемой терминологической неопределенности относительно понятия романа семейной хроники в зарубежном и отечественном литературоведении, поскольку ученые для обозначения объекта своего исследования использовали разную терминологию. Обратимся к англо-американским, польским и украинским источникам, что позволит нам обогатить методологическую базу нашего исследования.

Сразу отметим, что нет единого подхода к определению самого термина «роман семейная хроника», а также критерии для классификации этого литературного жанра. Длительное время роман семейной хроники, или семейный роман, вообще трактовался литературными критиками как «тривиальный» жанр, который не имеет художественной ценности. Однако на современном этапе развития литературоведения появляются труды, которые высоко оценивают роль романов такого типа. В таком контексте следует обозначить монографию К. Делл «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» («Семейный роман в Северной Америке во второй половине XX века: изучение жанра») [1]. Основные положения этой работы мы рассмотрим ниже. Среди известных нами работ необходимо отметить два подхода к классификации произведений о семье. Один из них предложила К. Делл, а другой – Д. Джонс [17].

Литературовед Д. Джонс предложил рассматривать семейную парадигму, основываясь на следующих фазах семейных отношений. Ученый отмечает и выделяет фазу детства и период ранней зрелости, моменты, когда герой оставляет семью, покидает отчий дом, период выбора брачного партнера (время ухаживаний), период создания семьи, где описываются отношения между супругами, а затем между родителями и детьми и завершающий семейное бытие, как правило, период мудрой и спокойной старости. Кроме того, выделяются сюжеты, в которых описывается смерть или возможность гибели героя или героев [17, p. 293].

По нашему мнению, в романе семейной хроники присутствуют все вышеозначенные сюжетные линии. Применяв методологический подход Д. Джонса к анализу семейной хроники «Люборацкие» украинского писателя А. Свидницкого, «Дела Артамоновых» М. Горького и пенталогии Вс. Соловьева «Хроника четырех поколений», а также «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, мы находим подтверждение идеи Д. Джонса о фазах внутрисемейных отношений в указанных произведениях.

Так, у Всеволода Соловьева описываются и юношеские годы Сергея Горбатова, и детские годы его сыновей, что соответствует образцу детского нарратива. Отъезд Сергея во Францию и отбытие его сыновей на учебу можно отнести к переходному нарративу. В произведении описываются романтические отношения Сергея Горбатова-старшего с нежно любимой Таней, княжной Пересветовой, а также история взаимной жертвенной любви (на фоне войны 1812 года, декабристского восстания и ссылки в Сибирь) Бориса Горбатова и Нины Ламзиной – здесь мы имеем дело с романтическим нарративом. Кроме того, в романе описаны четыре супружеских пары Горбатовых (на протяжении трех поколений, включая и факт адюльтера). Изображены в «Хронике...» и разнообразные отношения между родителями и детьми, дядями и племянниками. То же самое мы прослеживаем в развитии и становлении главных героев «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и в романе «Люборацкие» А. Свидницкого.

Монография И.-Л. Ру «Семейный роман. Опыт определения жанра» является одним из наиболее обстоятельных современных исследований романа семейной хроники. Материалом послужили произведения писателей Западной Европы (Англия, Франция, Германия) и Азии. Различая *family novel* и *novel* (собственно семейный роман и роман вообще) и выделяя семейный роман как отдельный подвид (субжанр), исследовательница утверждает, что семья и поколения как мотив длительное время существует в литературной традиции, однако «семейный роман не развивался как отдельный жанр до

конца XIX столетия» [18, p. 2]. По мнению И.-Л. Ру, одним из первых романов семейной хроники в мировой литературе стали «Будденброки» Т. Манна: «... это первый прототип семейного романа, <...> который определил быстрое развитие этого субжанра тем, что он показал более-менее его четкую форму, что "выделило" его среди других типов романной прозы» [18, p. 4].

Разночтения по поводу дефиниции исследуемого жанра присутствуют и при анализе иных произведений. Возьмем, к примеру, «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Так, польской литературовед Ю. Пальчевский употребляет по поводу романа Голсуорси термин *roman-fleuve* (роман-река) и указывает основные характеристики такого произведения: реалистическое изображение истории двух поколений одной семьи на фоне широкой панорамы жизни британского общества во второй половине XIX столетия [19, s. 6]. Однако такая дефиниция нам представляется неполной, так как здесь не раскрывается жанровая сущность произведения.

Американская исследовательница И.-Л. Ру пользовалась термином *family novel*, т.е. семейный роман, анализируя «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси. А. Л. Ферст этот роман характеризует как *multigenerational novel* – роман о множестве поколений. К. Делл внедряет понятие *family saga*, семейная сага, или *famile chronicle*. Во французском литературоведении встречается термин *Le-roman-cycle familia* (циклический семейный роман), применяемый для романов, посвященных истории нескольких поколений одной семьи.

Литературовед К. Делл предлагает свое разделение текстов о семье и выделяет такие подвиды романа:

1) семейный «романс» – жанр, в котором изображается зарождения семьи, повествуется о начале отношений, развитии чувств, помолвке, бракосочетании;

2) домашний роман (семейно-бытовой роман), который сводится к изображению бытовых сцен, описанию образа жизни семьи в пределах одного поколения;

3) семейный роман, в котором описывается семья в пределах одного или двух поколений;

4) семейная сага, или роман семейная хроника, где представлено изображение жизни больше двух поколений [16, p. 34]. Однако в этом описании нами не было найдено четких критериев разграничения между домашним и семейным романами.

Кроме того, К. Делл определяет виды семейного романа по типу социально-психологической принадлежности героев, по изображению этнических, или конфессиональных групп (англосаксонские, протестантские семьи, семьи белых или семьи афроамериканцев, еврейские семьи).

Хотя исследование построено на основе романов американской прозы второй половины XX столетия, нам представляется продуктивными и перспективными мысли автора относительно природы художественного творчества. К. Делл пытается объяснить, почему жанр семейного романа негативно воспринимался критиками. Она считает, что часто в научных трудах семейный роман ассоциировался с домашним романом (*domestic novel*), т.е. не с художественными, а с документальными хрониками – описаниями родословной, родового древа, которые начиная с XV столетия известны в Европе под названием «домашние хроники». Например, о заветной родовой тетради речь идет в романе Томаса Манна «Будденброки», или о франкоязычных записках у Вс. Соловьева.

По словам И. С. Кона, в данном контексте речь идет о так называемых документальных семейных хрониках торговцев и ремесленников, возникших в Италии в XIII–XIV вв. и распространившихся затем в других странах и в других социальных группах. Хроники изначально предназначались для узкого круга родственников, ведь в них излагалась история «...семьи и важнейшие события жизни авторов, однако они весьма не психологичны; личность автора проступает в изложении, но отнюдь не является предметом исследования» [4, с. 71].

Основным недостатком таких текстов, по мнению критиков, является невысокий уровень художественности. Однако, несмотря на отсутствие острых социальных проблем, «трафаретность» в изображении героев, поведение которых легко предсказать, описание жизни лишь в рамках одной семьи, преимущественно в пределах одного района, города или местечка, такие произведения вызывали значительный интерес широкого круга читателей. К. Делл полагает, что семейный роман – «это жанр, который не только очень живой, но и радикальный и революционный так же, как и время, в которое исследуемые тексты были написаны» [16, р. 8]. Взяв за основу герменевтический подход, К. Делл на синхронном уровне определяет функцию семейного романа как «*social diagnosis*» («социальный диагноз»), то есть его назначение – определить общественную болезнь и выявить её причины и следствия.

Принимая во внимание то, что семейный дискурс часто сопрягается с политическим дискурсом, исследовательница на базе изучения художественного текста анализирует состояние американского общества. В таком контексте актуальной становится тема социальных недугов (в том числе и для конкретной общественной группы, класса или сословия) как важная часть проблематики семейных хроник вообще. К. Делл утверждает, что тему социальной болезни в художественном тексте не «обязательно следует считать

симптомом упадка, <...> она также может быть индикатором кризиса», после которого индивид может выйти обновленным и исцеленным. Литературовед при таком подходе трактует болезнь как путь к очищению, как своего рода катарсис, способный обновить душу, очистить отношения в пределах одной семьи или одного сословия, открыть новые пути и возможности. Данное наблюдение актуально, например, не только для соловьевской пенталогии, но и для «домашнего романа» Генриха Сенкевича «Семья Поланецких». Подробнее типы внутрисемейной эволюции мы рассмотрим ниже.

В таком контексте примечательно и наблюдение И.-Л. Ру, которая полагает, что семейный роман является своего рода «энциклопедией, которая позволяет посмотреть на жизнь людей, жизнь одной нации в прошлом» [18, р. 169]. Например, история семьи в семейной хронике С. Т. Аксакова вписывается в историческое время. Для этого автор вводит информацию о социальных порядках той поры. Такой же подход мы можем наблюдать в романе «Люборацкие» А. Свидницкого. В произведении представлена панорама жизни православного духовенства и мелкопоместной шляхты в 40–60 гг. XIX столетия на Украине. Развитие семейных отношений в романе «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси происходит на фоне расцвета и упадка Викторианской эпохи в Британии в конце XIX – начале XX столетия.

В таком контексте примечательно наблюдение о том, что центральной темой в романе семейной хроники выступает «упадок (decline) рода» [19, р. 168]. Кроме того, авторы романов такого типа предпринимают попытки развить этот жанр в более современную форму посредством использования мифологических парадигм (например, «Сто лет одиночества»), психологизма, следуя при этом сложившейся традиции.

Убыстрение темпов исторического развития в XIX–XX веках и активное внедрение общественных событий в качестве причинно-следственных составляющих жизни простых людей не могли не отразиться в искусстве и литературе. События французской буржуазной революции, наполеоновских войн, реставрации, крутые общественные повороты приводили к тому, что в сознание очень широких масс «...проникло значение истории. Свое собственное существование множество людей, непосредственно затронутых событиями этого времени, начинает понимать как нечто исторически обусловленное» [13, с. 5]. Романы В. Скотта, А. де Мюссе, Б. Констан, О. де Бальзака и других талантливых романистов первой половины XIX века уже отличаются тем, что в них многое исторически обусловлено, «и с первых строк **история** входит в них как главная действующая сила» (выделено мною. – *Е. Н.*) [13, с. 5].

Разумеется, что личность немислима вне контактов с обществом. Поэтому при определении личности и ее места в романе надо иметь в виду характер ее взаимоотношений с обществом. Прояснить такое соотношение нам позволяет понятие романной ситуации, составляющей базовую основу романа как жанра.

Романная ситуация представляет собою взаимоотношения личности, среды и микросреды, где личностью является герой, обладающий более-менее значимым внутренним миром; микросредой – совокупность главных героев; средой же – совокупность таких героев, с которыми соприкасаются герои романного типа, и которые, как правило, далеки и чужды им.

Вследствие этого в романе всегда имеет место дифференциация и иерархия персонажей, которые составляют микросреду и чьи судьбы воспроизводятся наиболее четко и дифференцированно. Им отдается большая часть воспроизводимого в романе пространства и времени, в силу чего романский сюжет, стремясь к полноте и масштабности, как правило, ограничен в пространстве местом пребывания и встреч главных героев, а во времени – тем периодом их жизни, который необходим для становления и проявления их сознания, для обретения ими более весомой, с точки зрения героя и автора, жизненной позиции. Таким образом, специфика романной ситуации и особенно такой ее значимой части, как микросреда, является определяющим фактором для уточнения жанровых трансформаций семейного романа.

Применительно к теме нашего изыскания отметим, что «... пространственно-временные отношения оказываются узлом связей, позволяющих уточнить понятие сюжета, рода, жанра, художественной системы» [10, с. 21]. Особо выделим также и то, что эти же отношения внутри структуры художественного произведения «играют роль своеобразных систем отсчета (арен событий, их последовательность) и наиболее ярко это выступает в романах-хрониках» [7, с. 7].

Исходя из всего вышеизложенного, нам представляется целесообразным обратиться к дефиниции такого понятия, как время. Обычно приводится следующее определение: время – проявление бытия, с точки зрения настоящего, прошлого и будущего и покоящихся на них отношений «раньше», «одновременно», «позже». Время отражает длительность и последовательность событий. Оно неразрывно связано с изменением. Без изменения, т.е. без процессов, нет времени, оно относительно независимо по отношению к тому, что именно изменяется.

Выделим необходимые для нас свойства и качества времени. Во-первых, оно отражает в себе все происходящие в объективной и субъективной реальности процессы в их последовательном движении, без какой-либо аксиоло-

гической (или экзистенциальной) рефлексии. Во-вторых, время характеризуется следующими свойствами: длительностью, последовательностью, необратимостью.

Под первым из них подразумевается, что любой факт или явление занимает во времени определенное положение, которое может быть количественно измерено (в традиционных единицах измерения – часах, днях, годах, столетиях и т.д.). При этом следует учитывать то, что темп (или интенсивность) процесса в разных условиях может измениться. Иными словами, за один промежуток времени (день, час) может произойти разное количество событий.

Применительно, к изучению особенностей прозы это означает, что определенные части романа могут содержать описание большого количества событий, а другие – констатировать (причем зачастую весьма кратко), что ничего особенного не произошло. При этом вполне естественно, что общий «ход времени» не нарушается, а лишь фиксируется художником. Последовательность (как свойство времени) означает, что события расположены во времени, подобно звеньям одной цепи. Необратимость – это то, что последовательность не может быть изменена; однако, в художественном произведении автор волен как угодно располагать факты, если это соответствует его глубинным замыслам, хотя читатель, подойдя к финалу, все равно восстанавливает реальную последовательность событий.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Когда время произведения течет открыто и связано с историческим временем, в произведении легко может совмещаться несколько рядов и последовательность событий может перестанавливаться. Ведь перестановки совершаются в этом случае на фоне исторического времени. Читатель легко может ориентироваться в реальной последовательности событий, восстановить эту последовательность. События имеют как бы некоторую прикрепленность. За последовательностью событий в произведении стоит другая последовательность – историческая, реальная» [5, с. 41].

Наиболее ярко такая особенность структуры художественного произведения проявляется в историческом романе и в хрониках. Вполне закономерно, что при всей широте романной проблематики возникает множество частных аспектов, которые (в конечном счете) формируют различные виды, типы и подтипы этого жанра.

М. М. Бахтин отмечал, что роман является становящимся и развивающимся жанром. Роман концентрируется в себе типологические особенности художественной проблематики. Постоянное движение романа объясняется не изменением его жанровой сущности, а тем, что его основная ситуация всякий

раз наполняется новым конкретно-историческим содержанием и находит воплощение в различных жанровых формах. По мнению А. Я. Эсалнек, «... романное начало присутствует там, где есть явно выделенные семантически и сюжетно герои, обладающие возможностью и потребностью самостоятельно и творчески мыслить и потому, как правило, противостоящие широко или узко представленной среде» [15, с. 170].

В качестве такой среды в произведении может быть представлен обобщенный образ эпохи, которую герои могут принимать и не принимать, искать свое место в потоке исторического времени. Таким образом, романное начало может пересекаться с хроникальностью, образуя тем самым своеобразный жанровый синтез, получивший наименование романа-хроники.

Исходя из этого, дополняя все вышесказанное, обратимся к толкованию в литературоведческой науке самого термина хроника, составляющего вторую часть семантического ядра определения исследуемого жанра. Итак, хроника – это «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [12]. При этом подразумевается, что временная последовательность должна быть линейной, т.е. не иметь в себе отступлений от прямолинейности своей организации.

В «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) приводится более развернутое определение: «хроника – (греч. *chronika* – летопись) литературный жанр, содержащий изложение событий в их временной последовательности. В центре время – как субъект исторического процесса. Если в дневнике на первый план выступает личность автора, а в историческом романе – характеры и взаимоотношения действующих лиц, активно проявляющих себя в истории, то в хронике организующей силой сюжета и композиции представляется сам ход времени (подчеркнуто мною. – *Е. Н.*), которому подвластны действия и судьбы персонажей. Для хроники характерен экстенсивный сюжет, образующийся чередованием сцен, фрагментов, картин меняющейся действительности, структура хроники отражает темп, длительность, порядок и ритм отражаемых событий, за точку отчета которых принимаются моменты реально-исторического времени... Замкнутое, остановившееся время – предмет семейной, усадебной реалистической хроники (С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков)... Редкая как самостоятельный жанр хроника образует внутри многих произведений систему включения реального исторического времени в вымышленный сюжет» [14, с. 487].

Отметим, что, сопрягаясь с хроникальностью, романное начало не утрачивает своей специфики, но все произведение в целом приобретает новый эстетический смысл. В процессе развития литературы сложилось несколько типов романов-хроник. Это, прежде всего, хроника историческая (например,

произведения В. С. Пикуля «Слово и дело», «Реквием каравану PQ-17» и другие), хроника производственная, имевшая место в советской литературе 1920–30-х годов, и, наконец, семейная.

Для последнего типа романа отличительной чертой является специфика соотношения среды и микросреды, которая представлена группой лиц, связанных между собой родственными узами, то есть микросреда равна семье. Особо отметим, что состав микросреды в ходе действия романа может меняться из-за основных процессов: появления на свет, взросления, старения, смерти героев произведения. Так же изменчивы и сами функции персонажей: они могут переходить из главных героев во второстепенные, т.е. из микросреды в среду, и наоборот.

Средой в семейных романах выступает все общество в целом (или какая-нибудь его часть) на протяжении значительного, а не краткого времени (как в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» или В. Шишкова «Угрюм-река»), периода истории. Итак, в семейных хрониках, наблюдается господство последовательного (линейного) изложения событий, что является характерной чертой и отличает хронику от других жанров. К примеру, если взять хорошо известные романы У. Фолкнера «Шум и ярость» и «Герой нашего времени» М. Лермонтова, то в них мы наблюдаем гетерохронное изложение событий, чего нет в семейной хронике.

Следует особо отметить, что типичная для романа проблема взаимодействия личности и окружающего мира представлена в семейной хронике так же, как и в других разновидностях этого жанра.

Для произведений рассматриваемого нами жанра характерно обращение проблематики на изображение бытия одной семьи на протяжении нескольких (т.е. 2–4) поколений. В проблематику семейных хроник включаются различные аспекты: социально-экономические, нравственные и, наконец, эволюция семьи или ее деградация. Поэтому для дальнейшего анализа нам необходимо рассмотреть следующий жанрообразующий фактор – темпоральное построение семейных хроник.

По мнению З. И. Кирнозе, в произведениях этого жанра присутствует «особое родовое время, органически прикрепленное, приращенное к жизни семьи. В периодах сватовства и жениховства, медовых месяцев и созревания плода, подрастания сыновей и дочерей, превращения их самих в мужей и жен есть свой естественный ритм, определяемый и природой человека и вековыми установлениями семьи» [3, с. 157]. Этот общий ритм ослабляет и округляет временные разграничения каждой индивидуальной жизни, входящей в семью, создает предпосылки для изображения единства жизни поколений,

синтеза понятий «семья» и «время». Родовое время можно рассматривать, по-видимому, как признак того «фольклорного времени», которое порождает в литературе уже во времена античности особый тип семейной идиллии.

Сочетание понятий «семья» и «время» рождает особую связь. Восприятие подробностей жизни, обычаев, установлений тормозит развитие сюжета, делая ритм семейной хроники несколько замедленным. Протяженность во времени, стремление к охвату десятилетий, без которых невозможно показать изменения в семье на протяжении нескольких поколений, тяготение к полноте изображения обычно требуют от семейной хроники большого объема. Этот формальный признак оказывает между тем свое воздействие на все элементы ее структуры. Семейные хроники обычно «разбираются» на отдельные тома, хотя настоящее движение осуществляется только при их сцеплении. Объем повествования, наличие нескольких книг, осознание невозможности для читателя охватить их сразу требуют от авторов приемов повтора, напоминания, поиска «опорных» ситуаций, деталей и мотивов.

Здесь несомненны определенные трудности и для автора, и трудности не только технические. Они сказываются уже в построении сюжета. По своему характеру хроника в ее естественном свойстве предполагает поступательное развертывание событий, их простую хронологическую последовательность, цепочку причин и следствий, взаимообусловленность образов. В идеале семейная хроника должна излагаться неторопливым языком, незаметно ориентируя читателя на восприятие самых существенных и важных моментов. Наконец, главное – герои. Хроникальные персонажи преимущественно являются собой так называемые типизированные образы представителей различных социальных слоев. Здесь подразумеваются не только отдельные личности, но, конечно, и большие семьи, кланы и сонмы родственников.

Художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до XVI в. и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX–XX вв.). В развитии художественной семейной хроники, как отмечает И. П. Видуэцкая, «обычно действуют представители трех последних поколений, а история рода в более отдаленные времена в сжатом виде сообщается в начале. Она создает своеобразный зачин, являющийся знаком того, что перед нами семейная хроника» [2, с. 211]. Мы специально освещаем этот аспект, ибо краткие повествования об истории поколений стали, если использовать кожиновскую паратерминологическую метафору, тем зерном, из которого выросла семейная хроника как романский субжанр.

В русских семейных хрониках также присутствуют сведения о происхождении фамилии. Высокая культура дворянской генеалогии косвенно повлияла и на поэтику романа семейной хроники, в котором художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до

XI столетия и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX–XX вв.). Для произведений такого рода типично наличие генеалогической справки, повествующей о предыстории рода.

Склонность к самовыражению в семейных хрониках была свойственна писателям-дворянам с богатыми родословными, истории которых волновали авторов, подчас – последних отпрысков своих фамилий или отдельных ветвей (как, скажем, Лермонтов, Герцен, или Бунин). Поэтому очень редко мы найдем в семейных романах отрицательное, по преимуществу, отношение к аристократии в целом, к родной старине, порою даже не обходится без некоторой доли осуждения прошлых и современных нравов.

В целом же у семейной хроники есть свой собственный тип сюжета. Т. Манн писал по этому поводу: «Сюжет ведь бесконечно безразличен, но какой-то все-таки нужен», включая в этот «какой-то» рассуждения о том, какова предыстория героини, «кто был "ее" муж и при каких обстоятельствах "она" за него вышла? Каковы были "взаимоотношения супругов"...» [6, с. 8]. И пусть семейные коллизии здесь явно не единственные, они занимают едва ли не ведущее место среди коллизий социальных и психологических по преимуществу, как и в социально-бытовом романе вообще. Понятно, что семейная хроника, с одной стороны, тоже подпадает под это определение, с другой – являет собой и нечто особое. Однако это скорее логический допуск, нежели отражение действительного положения вещей.

Бытовой мир статичен. В нем есть социальное многообразие, но нет становления. В историческом же времени заложено движение. Время не только не может остановиться, но самый его бег уже осознан литературой. Рассматривая проблему времени и пространства в романе, отметим, что скорее можно отменить литературные персонажи, чем остановить время в литературе.

Теория исторического процесса прямо связана с проблемой времени, с проблемой прошлого, настоящего и грядущего, олицетворенного в семейной хронике преемственностью поколений, каждое из которых выполняет свою собственную миссию. При этом авторская установка направлена на то, что задачи истории постепенно разрешаются, и каждое последующее поколение приближается к такому моменту, когда трагические противоречия будут изжиты. Идея прогресса предполагает превращение каждого поколения и эпохи истории в звенья единой цепи, ведущей к будущему, оправдывающему страдания и муки настоящего и прошлого.

В семейных хрониках мы замечаем примечательную особенность этого жанра – соотнесение историй частной (т.е. семейной) жизни с историей страны, а также возможно соотнесение с историей целого сословия или социальной группы.

История четырех поколений старинной дворянской семьи составляет центральную линию повествования в романе Вс. Соловьёва. Это рассказ о сложных перипетиях судеб представителей рода Горбатовых, хроника расцвета, упадка, вырождения и в финале – возрождение рода в новых условиях пореформенной России.

Следующий комплекс проблем, связанных со спецификой историзма, заключается, по нашему мнению, в описании культурной и бытовой жизни семейств и, конечно, в изменениях, которым подвергается эта часть их бытия. Но при описании этих художественных явлений необходимо отметить главное – через них ощущается реальное действие времени, т.е. история частных лиц – основная проблема жанра. При анализе историзма следует учитывать еще один немаловажный аспект – проявление в произведениях такого типа собственно крупных исторических событий.

Авторов семейных хроник не интересуют исторические события сами по себе, они используют их лишь для того, чтобы показать, как они влияют на жизнь семьи. Поэтому в развитии жанра семейной хроники наблюдается постепенный переход от прямого описания события к своеобразному вынесению его в фон действия или вообще «за скобки» сюжетного повествования. Авторы как бы снижают масштаб истории, «очеловечивая» ее, показывая частные проявления бытия семьи, через которые реализуются общие закономерности.

Акцент на будущем, погружение персонажей в исторический поток, представление о том, что человек может разрешить свою судьбу собственными силами, «...делают идею цепи поколений не столь необходимой и ведут к трансформации жанра семейной хроники в исторический роман, в социальную эпопею, имеющую другое идейное содержание, требующую нового метода отражения и другой, чем у семейной хроники, структуры» [3, с. 156].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Видуэцкая И. П. "Пошехонская старина" в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826–1976. Статьи. Материалы. Библиография / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом); Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; [Ред. коллегия: А. С. Бушмин (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 206–219.
3. Кирнозе З. И. Французский роман XX века: (Годы 20–30-е: Проблемы жанра); Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 351 с.
4. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 367 с.

5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и др. работы. СПб.: Алетейя, 1997. 508 с.
6. Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. 465 с.
7. Марков В. А. Пространство и время в литературе: структурно-типологический анализ // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. С. 6–14.
8. Никольский Е. В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2011. С. 11–23.
9. Никольский Е. В. К вопросу о специфике жанра романа-семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314–320.
10. Петрова Н. А. Функция пространственно-временных отношений в сюжетообразовании произведения // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. С. 19–27.
11. Порохняк Н. П. Роман семейная хроника з погляду літературної антропології // Вопросы литературоведения. Вып. 79. Черновцы, 2010. С. 134–145.
12. Скрябина Т. Л. Хроника // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1171.
13. Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М.: Сов. писатель, 1955. 372 с.
14. Эпштейн М. Н. Хроника // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 487.
15. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста. М.: Флинта, 2004. 184 с.
16. Dell Kerstin. The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millennim: A study in Genre. [Электронный ресурс]. URL: http://ubt/opus.hbz-nrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» (дата обращения: 01.01.2020).
17. Jonnes Denis. The Matrix of Narrative: Family Systems and the Semiotics of Story. Berlin; New York; Mouton de Gruyter. 1990. 293 p.
18. Ru Yi-Ling. The Family Novel. Toward a Generic Definition. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 221 p.
19. Palczewski J. K. John Galsworthy. Warszawa: Czytelnik. 1981. 103 s.

References

1. Bahtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies over the Year]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1975. 502 p. (In Russian).
2. Vidueckaya, I. P. "*Poshekhonskaya starina*" v ryadu semejnyh hronik russkoj literatury ["Poshekhonskaya antiquity "in a series of family chronicles of Russian literature] *Saltykov-SHC Hedrin. 1826–1976. Stat'i. Materialy. Bibliografiya* [Saltykov-Shchedrin. 1826-1976. Articles. Materials. Bibliography] AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkinskij dom); In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo; [Red. kollegiya: A. S. Bushmin (otv. red.) i dr.]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1976. Pp. 206–219. (In Russian).
3. Kirnoze, Z. I. Francuzskij roman XX veka: (Gody 20-30-e: Problemy zhanra) [French novel of the XX century: (Years 20-30s: Problems of the genre)]. Gor'k. gos. ped. in-t inostr. yaz. im. N. A. Dobrolyubova. Gor'kij: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1977. 351 p. (In Russian).
4. Kon, I. S. *V poiskah sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* [Looking for yourself. Personality and its identity]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 367 p. (In Russian).

5. Lihachev, D. S. *Istoricheskaya poetika russkoj literatury: Smekh kak mirovozzrenie i dr. raboty* [Historical poetics of Russian literature: Laughter as a worldview and other works]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 1997. 508 p. (In Russian).
6. Mann, T. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 465 p. (In Russian).
7. Markov, V. A. *Prostranstvo i vremya v literature: strukturno-tipologicheskij analiz* [Space and time in literature: structural and typological analysis] *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Space and time in literature and art]. Daugavpils, 1987. Pp. 6–14. (In Russian). (In Russian).
8. Nikol'skij, E. V. *Istoki i razvitie zhanra «semejnyaya hronika» v russkoj literature: ot Nestora do nashih dnei* [The origins and development of the genre "family chronicle" in Russian literature: from Nestor to the present day] *Tradicii v russkoj literature* [Traditions in Russian literature]. N. Novgorod, 2011. Pp. 11–23. (In Russian).
9. Nikol'skij, E. V. *K voprosu o specifike zhanra romana-semejnoj hroniki i ego zarozhdenii v russkoj klassicheskoj literature* [To the question of the specifics of the genre of the novel-family chronicle and its origin in Russian classical literature] *Voprosy yazyka i literatury v sovremennyh issledovaniyah* [Questions of language and literature in modern research]. Kirillo-Mefodievskie chteniya. Moscow, 2009. Pp. 314–320. (In Russian).
10. Petrova, N. A. *Funkciya prostranstvenno-vremennyh otnoshenij v syuzhetoobrazovanii proizvedeniya analiz* [Function of spatio-temporal relations in the plot formation of a work] *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Space and time in literature and art]. Daugavpils, 1987. Pp. 19–27. (In Russian).
11. Porohnyak, N. P. *Roman semejnyaya hronika z poglyadu literaturnoi antropologii* [Roman family chronicle from the point of view of literary anthropology] *Voprosy literaturovedeniya* [Questions of literary criticism]. Vyp. 79. Chernovcy, 2010. Pp. 134–145. (In Ukrainian).
12. Skryabina, T. L. *Hronika* [Chronicle] *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001. P. 1171. (In Russian).
13. Chicherin, A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel]. Moscow: Sov. pisatel' Publ., 1955. 372 p. (In Russian).
14. Epshtejn, M. N. *Hronika* [Chronicle] *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. P. 487. (In Russian).
15. Esalnek, A. YA. *Osnovy literaturovedeniya. Analiz romannogo teksta* [Fundamentals of Literary Studies. Analysis of the novel text]. Moscow: Flinta Publ., 2004. 184 p. (In Russian).
16. Dell, Kerstin. The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millennium: A study in Genre. [Elektronnyj resurs]. URL: http://ubt/opus.hbz-nrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» (data obrashcheniya 01.01.2020). (In English).
17. Jonnes, Denis. *The Matrix of Narrative: Family Systems and the Semiotics of Story*. Berlin; New York; Mouton de Gruyter. 1990. 293 p. (In English).
18. Ru, Yi-Ling. *The Family Novel. Toward a Generic Definition*. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 221 p. (In English).
19. Palczewski, J. K. *John Galsworthy*. Warszawa: Czytelnik. 1981. 103 p. (In Polish).